

Русская армия в Туркестане: организация горной подготовки и адаптация военнослужащих к ведению боевых действий в горной местности

Симонов Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент
Воронежский государственный институт физической культуры

В статье рассматриваются конкретные исторические примеры, характеризующие процессы адаптации военнослужащих к специфическим географическим, климатическим и природным условиям южных окраинных территорий Российской империи, в частности Туркестана, в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: адаптация, горная подготовка, профессионально-прикладные навыки, боевые действия в горах, Туркестан, «индийский поход», русская императорская армия

Термин «адаптация» применяется в различных областях научного знания. Его содержание чрезвычайно широко. Как правило, адаптация проявляется в возникновении особых, приспособленческих, форм поведения человека при всевозможных переменах обстановки. Этим термином обозначается также постоянный процесс активного приспособления индивида к социально-психологическим условиям существования вообще.

Особый интерес к проблеме адаптации военных к условиям прохождения службы вытекает из специфики и высокой социальной значимости самой деятельности людей по защите государственных интересов и обеспечению безопасности страны. Именно поэтому проблематика военной службы до сих пор привлекает особое внимание исследователей различных научных направлений (медиков, психологов, философов). В нашей статье мы пытаемся рассмотреть некоторые исторические примеры, характеризующие процессы адаптации военнослужащих к специфическим географическим, климатическим и природным условиям южных окраинных территорий Российской империи в конце XIX – начале XX века.

Оставляя в стороне геополитику и большую государственную стратегию, обратимся к такому малоизученному вопросу как практическая сторона организации горной подготовки российских военнослужащих в Туркестане. Прежде всего, попытаемся оценить степень боевой и морально-психологической готовности и связанную с ней специфическую для данного театра военных действий адаптацию военнослужащих частей и соединений Туркестанского военного округа для ведения боевых действий в горной местности.

Следует отметить, что в ведущих армиях мира вплоть до начала Первой мировой войны (1914-1918 гг.) вопросы специальной горной подготовки практически не рассматривались воинскими уставами и наставлениями, на этот счет отсутствовали какие-либо четкие методики и проработанные учебные пособия. Некоторое исключение составляли армии Австро-Венгрии и Италии, где вопросы горной подготовки накануне войны получили некоторое развитие, в частности, в области использования специального воинского горного снаряжения. Армии остальных стран Европы готовились воевать на весьма протяженных операционных театрах, большей частью равнинных, где предполагалось использовать значительные массы пехоты и кавалерии. Нанесение ударов крупными воинскими силами или отдельными мобильными подразделениями через горные районы довоенными планами практически не предусматривалось.

В России, пожалуй, первым и единственным пособием по организации военных экспедиций в удаленных азиатских районах, была работа генерала Н.М. Пржевальского «Как путешествовать по Центральной

Азии» (1888), в которой было высказано много полезных рекомендаций практического плана. Книгу, впрочем, скоро засекретили, и она осталась недоступна для большинства строевых армейских офицеров.

Подготовка российских войск в Туркестане для действий в условиях горного театра строилась исходя из сложившихся реалий и была основана больше на здравом смысле и прагматическом подходе, нежели на основе некой разработанной концепции горной войны. Одним из факторов, способных обеспечить успех в походе против Британской Индии, считалась особая приспособленность туркестанских войск к «образу войны в Азии». «В течение десятилетнего пребывания нашего в здешнем крае, - писал активный участник среднеазиатских походов генерал М.Д. Скобелев, - туркестанские войска выработали себе целую систему военных действий, основанную на знании местных условий, характера противника, всегда тождественного во всей мусульманской Азии, а главное, на сознании своей собственной боевой годности, которая дает им возможность сознательно решать в будущем на военные предприятия, соответствующие современным боевым средствам Туркестана».

М.Д. Скобелев, как признанный знаток Средней Азии, верно заметил, что туркестанские войска за продолжительный период своей боевой службы в местных условиях действительно выработали свой особый «туркестанский» стиль. Войска непрерывно участвовали в боевых действиях, походах, охране границы, российских консульств и были хорошо знакомы с обычаями и традициями коренного населения Средней Азии. Многие военнослужащие, особенно сибирские, уральские и оренбургские казаки, знали местные языки и наречия. Значительная часть служебной деятельности войск происходила в предгорных и горных районах Туркестана [2].

Боевая подготовка войск Туркестанского военного округа (далее – ТуркВО) строилась на многоуровневой основе и предусматривала подготовку командных кадров (оперативного и тактического звена), горную подготовку пехотных и казачьих подразделений, а также специальных подразделений – разведчиков, саперов, артиллеристов, военных медиков.

Подготовка офицеров Генерального штаба, а также офицеров штабов и войсковых управлений непосредственно в Туркестане строилась на ознакомлении с приграничными районами округа и сопредельными территориями Китая, Афганистана и Персии, на отработке навыков боевого управления войсками в условиях горной местности. С этой целью штабом Туркестанского военного округа регулярно организовывались полевые выезды и рекогносцировки офицеров в приграничные районы. Как правило, каждый год формировалось несколько рекогносцировочных групп

офицеров, которые вели исследования и составляли военно-географические описания стратегически важных территорий. Письменные отчеты о результатах полевых поездок регулярно предоставлялись в Главный и Генеральный штаб [4].

Строевые офицеры получали опыт горной подготовки и адаптировались к действиям в горной местности в ходе войсковых учений, в рекогносцировках и полевых поездках. Последние организовывались штабами 1-го и 2-го Туркестанских армейских корпусов и имели задачу уточнения маршрутов движения в пределах их оперативной ответственности. Основное внимание уделялось изучению состояния дорог, горных троп, проходов, перевалов (времени и степени их проходимости), водных преград и средств их преодоления, наличия фуражного корма, запасов продовольствия, источников воды и т.д.

Среди офицеров поощрялись скачки, выезды на охоту, самостоятельные поездки по пограничным районам, участие в научных экспедициях. Так, капитан Л.С. Барщевский, командир роты 17-го Туркестанского линейного батальона принимал в 1896 г. участие в экспедиции ботаника В. И. Липского по изучению Гиссарского хребта. Штабс-капитан 5-го Кушкинского резервного батальона А.И. Крастилевский «движимый похвальным стремлением ознакомиться возможно ближе с местом своей службы — Закаспийским краем, по собственному почину и на свой счет совершил в 1901 г. поездку вдоль границы области от Каспийского моря к крепости Кушка, где стоит его батальон. Отправляясь в задуманную поездку, офицер этот подготовил себя чтением исторических сочинений, вел записки своим путевым впечатлениям, снимал фотографии, и затем сделал офицерам гарнизона крепости Кушка сообщение о своем путешествии» [4].

Результатом такой практики было наличие в строевых частях ТуркВО значительного числа офицеров, знакомых с операционными районами, имевших опыт действий в горной местности. Многие офицеры внесли значительный вклад в военно-географическое изучение горных районов Туркестана. В их числе Б.Л. Громбчевский, Н.Л. Корженевский, Б.Н. Литвинов, В.Н. Зайцев, А.Е. Снесарев, С.В. Заимкин [1].

Подготовка разведчиков — «охотничьих команд», предусматривала частые выходы в горные районы с задачей пройти определенными маршрутами в установленные сроки. «Охотничьи команды» формировались из наиболее физически подготовленных и развитых в умственном отношении военнослужащих и имелись в каждом стрелковом батальоне. В начале декабря 1891 г. «охотничья команда» от двух стрелковых батальонов в количестве 12 человек под руководством двух офицеров прошла из Ташкента через перевал Кендырдаван в Фергану. Цель проводившейся рекогносцировки состояла в том, чтобы выяснить возможность движения по перевалу в зимних условиях и собрать сведения о состоянии дорог, наличии населенных пунктов, фуража и продовольствия [6]. Подобные выходы «охотничьих команд» в округе исчислялись десятками в год.

Личный состав стрелковых батальонов навыки боевых действий в горах получал и отрабатывал в ходе плановых тактических учений, маршей и стрельбы в горных условиях. Особая нагрузка ложилась на туркестанские стрелковые батальоны, дислоцировавшиеся на территории Ферганской

области и в Восточной Бухаре, поскольку они обеспечивали поддержку деятельности Памирского пограничного отряда.

Казачьи подразделения, дислоцированные на территории Туркестана, адаптировались к пребыванию и готовились к ведению боевых действий в горах посредством регулярно практиковавшихся продолжительных маршей в горной местности. По инициативе строевых офицеров часто проводились скачки и конные пробеги. К примеру, военнослужащие 1-го Сибирского казачьего полка во главе с полковником П.Н. Красновым совершили 700-верстный конный пробег из Джаркента в Пржевальск. Причем, часть маршрута прошла тогда по горным отрогам Тянь-Шаня. Некоторое время спустя, казаки П.Н. Краснова преодолели с боевой выкладкой расстояние от Джаркента до Кульджи (Китай), общей протяженностью 134 версты. В полку была установлена традиция — в день открытия скачек в Тышканском учебном лагере на высшей точке горного хребта Алатау (4 679 метров) поднимать государственный флаг Российской империи.

Для выполнения этого почетного поручения назначался один из опытных офицеров и «знаток гор» сотник Б.В. Анненков (в будущем — один из руководителей «белого движения» в Сибири и Семиречье) и молодые офицеры, только что прибывшие в полк из военных училищ. Для них, как отмечал П.Н. Краснов, это было «горное крещение». С офицерами на восхождение шли казаки учебной команды, которые несли высокую мачту, больших размеров флаг, канаты, кирки и лопаты. На вершине был установлен железный ящик, в который все участники восхождения бросали карточки со своими именами. После водружения российского флага вся экспедиция оставалась ночевать на горной вершине и утром совершала спуск в базовый лагерь [3].

Регулярные выходы в горы с целью адаптации к особым условиям местности совершали военнослужащие горно-артиллерийских батарей Туркестанского военного округа. Горные артиллеристы, были, пожалуй, единственными для кого еще перед русско-японской войной 1904-1905 гг. были разработаны конкретные практические наставления по правилам стрельбы и ведения действий в горах. Большой вклад в дело организации боевой подготовки горной артиллерии внес командовавший Памирским пограничным отрядом полковник К.-Э. К. Кивекэс.

Горная подготовка саперов заключалась в выработке навыков наведения переправ, обустройства бродов, колесных путей и перевалов на наиболее важных горных направлениях. Значительное внимание уделялось умению использовать местный строительный материал и традиционные методы преодоления водных препятствий, обустройства карнизов и горных троп. Большой опыт туркестанскими саперами был получен при обустройстве отдельных подразделений Памирского отряда и разработке путей сообщения на Памире.

Военными врачами был накоплен значительный опыт по профилактике в войсках простудных и инфекционных заболеваний, организации правильного питания военнослужащих в условиях высокогорья, предупреждения обморожений, эвакуации раненых и больных. Большой заслугой военных медиков явилась также разработка практических рекомендаций по предупреждению «горной болезни». Этому во многом способствовали наблюдения,

которые велись военными медиками Памирского пограничного отряда.

Остро стоял вопрос с обмундированием и снаряжением войск. Военным министерством России форма одежды была строго регламентирована, но унификация ее началась уже, что называется, на поле боя, в годы Первой мировой войны. Специальная горная амуниция и снаряжение долгое время отсутствовали. В этой связи в войсках, дислоцированных в Туркестане, инициатива была отдана командирам воинских частей, непосредственно задействованных для решения задач в условиях горной местности. Общепринятая форма одежды часто сопровождалась дополнительными элементами — бурками, тулупами, меховыми шапками и рукавицами, меховыми штанами, валенками. Вместо одеял часто использовались тулупы и кошмы. Часть элементов одежды была заимствована у коренных народов Туркестана. В носке она оказывалась значительно практичнее казенной. Особенно это относится к предметам конского снаряжения — использовался «туземный» тип выючного седла, хурджины (тканые переметные сумы), ягдтаны (кожаные выюки). Там, где это было возможно, предпочтение отдавалось киргизской юрте, которая, по сравнению с казенной парусиновой палаткой, лучше удерживала тепло зимой и была прохладней летом. Русская телега была заменена на местную арбу. Широко использовались киргизские лошади и яки, как наиболее приспособленные к горному климату выючные животные [1].

О том, насколько была разнообразна горная экипировка дает представление описание одежды солдат и офицеров уже упомянутой нами «охотничьей команды», совершившей зимний переход из Ташкента в Фергану. «Стрелки одного батальона, - отмечается в описании рекогносцировки, - были одеты в особых, казачьего покроя, армячных охотничьих рубашках с газырями на груди для патронов; под рубахи надевались шерстяные теплые фуфайки; поверх обыкновенных шаровар надевались киргизские широкие желтые чембары. Эти чембары тем хороши, что будучи выпущены поверх сапог и перетянуты у щиколотки ремнями, не дают возможности снегу заваливаться за голенища; они только для этого и предназначаются, и надеваются только тогда, когда нужно ходить по глубокому снегу. Папаха дополняет костюм. Стрелки другой команды были одеты в такие же рубахи из желтого башлычного сукна, но без фуфаек; кроме того, у них шапки были суконные с меховыми наушниками и таким же козырьком. Для ночевки везли по 2 кошмы и по тулупу с парой валенок на каждого человека» [6].

При планировании действий в горах особое внимание уделялось снабжению войск провиантом и фуражом. «В

горной войне на границе Индии и Афганистана, - замечал поручик Б. Тагеев, участник нескольких «памирских походов», - не такое значение имеет количество наступающего войска, как исправное и обильное довольствие его. С голодными людьми и лошадьми ничего не поделать, так как ни провианта, ни фуража на Памире не достать ни за какие деньги» [5]. По этой причине приходилось при планировании боевых действий в горах даже отказываться от заведомо легких и кратчайших путей, если на них отсутствовали селения и достаточный растительный покров. Питание личного состава в горах стремились сделать особенно разнообразным и калорийным. Военнослужащие получали ежедневно хлеб, супы с консервами и сушеными овощами, баранину, сладкий чай, сухари, клюквенный концентрат. В рацион обязательно входил спирт и водка. Офицерам разрешалось иметь при себе ликеры, водку, вино и коньяк. Питание пытались разнообразить дичью и свежей рыбой для чего устраивали охоты и рыбалку [5].

В летний период войска регулярно выводились в специально обустроенные лагеря. Для горной подготовки использовалось преимущественно два лагеря: один на территории Восточной Бухары, где могли разместиться три стрелковые бригады, другой — в Тышканах, в Семиречье, готовившийся в расчете на две стрелковые бригады. Во время лагерных сборов отрабатывались марш-броски, организация наступления и обороны в горах, разведка, охранение, организация связи, взаимодействие различных родов войск. Кульминацией лагерных сборов были военные учения с боевой стрельбой пехоты, казаков и артиллерии.

Важную роль в горной подготовке войск сыграл Памирский отряд, который фактически стал специализированным центром горной подготовки Туркестанского военного округа. Через школу Памирского отряда прошли тысячи русских солдат, казаков и офицеров. Многокилометровые марши, дозоры, разведки и рекогносцировки в горной местности способствовали у личного состава выработке навыков действий в горах на изолированных театрах военных действий.

Высокий уровень горной подготовки туркестанских войск был проверен боевой практикой на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны, где туркестанские полки продемонстрировали отличные навыки ведения боевых действий в условиях горной и гористой местности. На высоте оказался и командный состав туркестанских войск. Школа ТуркВО и опыт горной подготовки чувствовались и в полководческом почерке опытного «туркестанца» генерала Н.Н. Юденича, командовавшего русскими войсками в Закавказье.

Литература:

1. Басханов М.К. «У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899 — 1904. СПб: «Нестор-История», 2015. — 328 с.; Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи. СПб: Алетейя, 2013. — 248 с.
2. Записка генерал-адъютанта М.Д. Скобелева о походе на Индию // Широкоград А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857-1907. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003 — С. 488-502.
3. Краснов П.Н. На рубеже Китая. Париж: Издание Главного правления зарубежного союза русских военных инвалидов, 1939. — 122 с.
4. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб: Издание Военно-ученого комитета Генерального штаба, 1883 — 1914.
5. Тагеев Б.Л. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире // Полуденные экспедиции / А.А. Майер, Б.Л. Тагеев. М.: Воениздат, 1998. — 351 с.
6. Через перевал Кендырь-даван // Туркестанские ведомости, 1892, № 12.